

Любовь Неупокоева

Повесть
«Деревенская»

Любовь Неупокоева Деревенская. Повесть

<https://litres.ru/73791331>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тишина у оврага задумалась.
Солнце ласково гладит листву.
По дорожкам, протоптанным в юности,
Как по краешку Рая пройду.
Воздух пахнет травой нескошенной.
Память вновь меня в детство вернёт.
И услышу, как в поле заброшенном
Ветер мамину песню поёт.

Содержание

Глава	4
1. Михайловка	5
2. К бабушке Моте	14
3. Сторож	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Деревенская. Повесть

Глава

Дом родной на берегу оврага
Задремал, как старый постовой.
Видит сны из прошлого, бедняга,
И ведёт беседу сам с собой.
Ему снятся вёсны и метели,
Хоровод у ёлки в Новый год,
Детский смех, скрипящие качели,
Мама песню у окна поёт.
В доме свет, идёт тепло от печки,
Пахнет вкусно, сушится бельё.
И играет с кошкой на крылечке
Детство деревенское моё.
(Любовь Неупокоева)
Повесть «Деревенская»

1. Михайловка

Посадила дома деревенька
У оврага, держать берега.
Зацепилась сохою за землю
И весной, как росток, проросла.
Хлопотала с зари до заката,
Приняла все удары судьбы.
Я люблю в тебе каждую хату
И твои, с сединой, ковыли.
(Любовь Неупокоева)

Весной тысяча девятьсот двадцать шестого года на карте Воронежской области появился новый населённый пункт, который называли Михайловка. Хутор расположился на местности у родника, в начале образования оврага, и насчитывал чуть больше сотни дворов.

С тех пор минуло сорок пять лет. Шоссейная и железная дороги обошли Михайловку стороной. Возможно, поэтому дворов в ней не прибавилось. Первые поселенцы со временем состарились. В совхозе работали их дети и росли внуки.

На месте, где когда-то бил родник – теперь большой пруд. В нём купались ребятишки, плавали утки и гуси, на дневную дойку к нему пригоняли деревенское стадо коров. Посреди широкой улицы, в одном ряду с водоёмом, находился мага-

зин товаров повседневного спроса, за ним – фельдшерский пункт, начальная школа, сельский клуб, контора и совхозная столовая, а сразу за жилыми домами – молочно-товарная ферма, тракторный отряд и ток.

В деревянных избах в пять окон, окружённых лесами и полями, жизнь шла своим чередом. В семье Гавриловых росли четыре девочки. Рая уже закончила обучение в Круглянской восьмилетней школе, которая находилась в четырёх километрах от дома, и переехала в городской посёлок, чтобы там получить среднее образование. Родители снимали для неё квартиру с хозяйкой. Домой старшая дочь приезжала только на выходные. Валя перешла в пятый класс, Тоня – в третий, Любе исполнилось шесть лет.

Родители девочек, в прошлом одноклассники, работали в совхозе. Мама, Мария Егоровна, – разнорабочей. Папа, Гаврил Митрофанович, – механизатором. Когда они поженились, вместе устроились на Воронежский авиационный завод. Спустя какое-то время Гаврила Митрофановича поставили на должность начальника котельной и выдали ему ордер на квартиру в областном центре. Евдокия Михайловна запретила дочери уезжать из деревни и бросила ордер в огонь печи.

Так и остались. На левом берегу оврага, напротив пруда, построили дом, во дворе развели скотину, посадили сад, на огороде выращивали овощи. В палисаднике и в саду с весны до поздней осени цвели яркими красками пёстрые клумбы.

Каждое утро, когда семейство Гавриловых расходилось по местам своей занятости, младшая дочь оставалась дома одна. Последней из дома уходила мама.

Как обычно, Люба закрыла за ней дверь и вошла в комнату. На стене, у окна, работало радио. Девочка забралась на кровать, встала на грядущку и прибавила громкости, чтобы заглушить все возможные звуки и поменьше бояться.

У кровати, на круглом вязаном коврикe, лежал кот Васька. Домоседка запеленала его в платок и остановила взгляд на длинных усах. Люба видела, как каждое утро брился папа, усов он не оставлял. «Бедный кот, за ним никто не ухаживает!» – пожалела пушистого друга девочка. Она уверенно взяла ножницы и аккуратно отрезала Василию усы. (Опыт кое-какой у неё уже имелся – себе она подстригала чёлку до самых корней.)

Положив на кровать «приведённого в порядок» домашнего питомца, Люба прошла в другую комнату, в центре которой стоял круглый стол, накрытый скатертью. С потолка над ним свисал оранжевый абажур. Здесь сёстры делали уроки.

В серванте, под стеклянными полками с красивой посудой, хранились новые школьные принадлежности, которые родители закупами для девочек на весь учебный год. Канцтовары размещались в специально отведённом для них двухстворчатом шкафу, который сёстры закрывали от Любы на ключ. Место, где его прятали, в очередной раз было рассекречено. Замок легко открылся, и девочка ощутила запах

школы.

На полках стопками лежали тетради в клеточку, в линию, альбомы для рисования и для черчения, авторучки в цветных наборах и поштучно, карандаши и краски, готовальня для Вали и маленький циркуль для Тони, новые линейки, треугольники, транспортиры, точилки для карандашей в виде рыбок и стиральные резинки. Логарифмическая линейка в чехле привлекла к себе особое внимание. Люба осторожно подвигала на ней всё, что двигалось. Сёстры запрещали ей что-либо трогать на их столе, а ей очень хотелось попробовать всё в действии.

Чтобы не портить новую тетрадь, ручкой она нарисовала собаку на внутренней стороне дверцы шкафа. Особенно хорошо получились глаза. На другой створке изобразила ёлку. Взяла коробочку с красками, поплевала в них, как Рая плевала в тушь для ресниц, и, макая пальчик в каждый цвет, ставила круглые отпечатки на ёлку, наряжая её в разноцветные шарики. Своей работой девочка осталась довольна и принялась за альбом с фотографиями.

Эту большую книгу в плюшевой обложке бордового цвета, завёрнутую в прозрачную шуршащую упаковку и перевязанную атласной ленточкой с бантиком, Рая получила от мальчика на день рождения. Когда старшая сестра принесла подарок домой, все ахнули от его красоты.

– Жених подарил? – спросила Валя.

– Какой жених? Ты что? Это Генка! – смущаясь, ответила

Рая.

Люба раскрыла альбом. Фотографии снова стояли не в той последовательности, какую она определила. Освободив первые страницы от изображений, не по праву занимавших лучшие места, ценительница прекрасного переставила на них свои любимые снимки. Девочка сразу взялась следить за порядком размещения и провела огромную подготовительную работу. По известным только ей одной критериям, она оценила каждое фото и, на основании данной ею оценки, снимки распределились по местам, соответствующим их художественной ценности. Справедливости ради надо сказать, что единичный случай предвзятого отношения имел-таки место быть. Фото человека, обидевшего Любу плохим словом, заняло последнее место. Обидчик, слегка прищурившись, смотрел с карточки на оценщика и не имел возможности возразить.

Полистав оставленные на столе книжки для летнего чтения, в которых не оказалось картинок, девочка открыла дверцу шифоньера. В маленьком отделении лежала мамина губная помада и, сквозь прозрачный футляр, сияли ослепительно-белым светом папины запонки. Люба накрасила губы, не попадая в их естественные границы, и взяла в руки украшение для манжет. Полюбовавшись красивыми застёжками и не найдя места, где можно было бы их прицепить, девочка с сожалением положила коробочку обратно.

На второй полке снизу, на стопках с платками, лежали

две шали, которые папа привёз в подарок маме из Германии, когда вернулся с военной службы. Мама иногда примеряла их перед зеркалом и, наслаждаясь красотой подаренных мужем вещей, с огорчением говорила: «Вот куда мне в них ходить?!»

Любе захотелось сделать маме подарок. Она достала шаль, взяла ножницы и с трудом вырезала из букета на красивом поле три цветочка. Чтобы никто раньше времени не увидел приготовленный ею сюрприз, девочка спрятала его под подушку. Она сама хотела преподнести подарок маме.

В соседнем отделении, на вешалке, висело выпускное платье Раи. Сшитое из белоснежного лёгкого шёлка и тонкого воздушного кружева, оно манило к себе нежной красотой и, безжалостно подвешенное на крючок, просилось из тёмного тесного шкафа на белый свет. Под ним стояла коробка с туфлями старшей сестры на каблуках. Девочке стоило больших трудов переодеться в этот наряд. Теперь предстояло дойти до трельяжа. Она взяла юбку в руки и, гремя туфлями по крашенному деревянному полу, как на лыжах, дошла до зеркала. Опустив платье, Люба принялась рассматривать своё отражение.

На неё смотрела большими карими глазами с длинными ресницами худенькая черноволосая девочка с родинкой на левой щеке, чуть ниже глаза. Две тонкие короткие косички, похожие на мышьи хвостики, торчали в стороны. Помада на губах, в процессе переодевания, совсем размазалась.

Высокие каблукы прибавляли роста, а красота платья заслоняла собою недостатки. Отражение в зеркале Любе сначала понравилось, но при дальнейшем рассмотрении обнаружилась масса недочётов, с которыми ей не под силу было справиться. Нехотя разоблачившись, она снова надела простенькое повседневное платье.

Позанимавшись своими делами, девочка приступила к обязанностям. С котом на руках она вышла через коридор на заднюю веранду. На полу, в большом ящике под включенной лампочкой, пищали цыплята. Хозяюшка подсыпала им пшена, мелко нарезанных варёных яиц и подлила воды. Увидев во дворе бабушку Дуню, которая в фартуке и с полотенцем на плече хлопотала на кухне, Люба выбежала на порожки.

Забетонированный двор имел прямоугольную форму. Всю его левую сторону занимало добротное строение, разделённое на несколько помещений. В первом отделении содержалась корова, а под потолком каждый год сооружали гнёзда несколько семей ласточек. По соседству с Зорькой жили два поросёнка. В следующем сарае-амбаре, в больших металлических бочках, хранилось обмолоченное зерно, комбикорм для птицы, свиней и коровы. Каждую осень все ёмкости заполнялись с расчётом на год, до следующего урожая. За последней дверью находилось что-то вроде мастерской со всем инструментом, необходимым в хозяйстве. В другом ряду, напротив дома, расположился птичник для гусей, курник, погреб и летняя кухня с окнами в сад. Правую сторону состав-

ляли большие входные деревянные ворота и крытый летний варок для Зорьки.

Во дворе, на керогазе, в большом алюминиевом тазу, варились вишнёвое варенье. На проводах щебетали ласточки, из открытой двери кухни пахло жареным луком.

– Бабушка, смотри, как я кота подстригла! – радостно закричала внучка.

– А ну-ка, давай я посмотрю, – отозвалась бабушка и вышла во двор.

Люба подбежала к ней и подняла кота повыше.

– А где ж у него усы-то?

– Так я же говорю, что подстригла! – улыбаясь, повторила внучка.

Бабушка всплеснула руками.

– Так ты ж его загубила! Как же он теперь мышей ловить будет?! Ух! Антихрист окаянный! И когда только ты бедокурить перестанешь?! – заругалась она.

От улыбки на лице девочки не осталось и следа. Она пятилась назад.

– Ах ты, нечистая сила, сладу с тобой никакого нет! – продолжала бабушка.

Она сняла с плеча полотенце и замахнулась им на внучку. Люба юркнула под веранду. Сонные куры, которые в их общем укрытии прятались от летней жары, сначала встрепенулись, подняв клубы мелкой пыли, но, увидев девочку, снова погрузились в дрему. Неудачливый цирюльник распеленал

кота и вытер платком слёзы. Разве можно привыкнуть к тому, что тебя постоянно ругают?! Самым обидным было то, что она не понимала своей вины.

Из-под веранды внучка наблюдала за ногами бабушки, которые беспрерывно шмыгали из кухни во двор и обратно. Улучив момент, девочка выскочила из укрытия и, покинув двор через проделанный в воротах лаз для гусей, оказалась на улице. У неё была ещё одна бабушка. Дорога к ней проходила через поляну, мимо пяти домов, где на каждом шагу подстерегала опасность. Что было делать? Люба отряхнулась от пыли и перьев и, набравшись храбрости, отправилась в путь.

2. К бабушке Моте

Как по минному полю, с оглядкой,

Я к бабушке в гости иду.

Гусь щипает, собака гавкает,

Дед кричит: «Догоню! Догоню!»

(Любовь Неупокоева)

С дальних полей, огибая дом Гавриловых, через овраг, на ток проходила дорога. По ней, постукивая бортами, проезжали совхозные машины и, исчезая, оставляли за собой облака густой пыли. От дороги до соседей мягким цветным ковром раскинулась поляна с густой сочной травой и полевыми цветами. В зелёном волнующемся море стрекотали кузнечики, от цветка к цветку перелетали бабочки и пчёлы. Высоко в небе звонко пел жаворонок. В воздухе пахло свежей горечью полыни и мёдом каши. На поляне паслись козы и телята, привязанные цепью к вбитому в землю металлическому штырю. Стреноженная лошадь перепрыгивала с одной пары ног на другую, дед Митяй здесь пас своих гусей.

Люба боялась главного гусака стаи. Как только она попадала в поле его зрения, вожак распускал в стороны крылья, вытягивал шею и, издавая звуки шипения, пускался её догонять. Бегал он быстро и был похож на самолёт, набирающий скорость перед взлётом. Несмотря на попытки деда Митяя

остановить своего питомца, пернатый охранник не раз догонял Любу и безжалостно щипал её за ноги. Места укусов горели огнём и заживали долго.

– Мама, меня гусь дедов Митяев покусал, – жаловалась она и демонстрировала пощипанные икры ног, глубоко всхлипывая от боли и обиды. Крупные слёзы часто капали на платье, щекотали руки и, как дождевики, блестели на крашеном полу.

– Да это не гусь, а, что есть, – собака! Ну, погоди! Уж я его поймаю и дам хороших лупанцев! Будет знать, как кусаться! – громко ругалась мама, как будто хотела, чтобы гусь услышал её.

Обида отступала, боль становилась не такой жгучей и, ещё на мокром от слёз лице, расцветала счастливая улыбка.

Люба увидела стаю гусей за огородами, у самого поля, и, беспрепятственно перебежав по тропинке через поляну, подошла к первому дому. Из палисадника её окликнула бабушка Федора.

– Постой-ка, детонька, не уходи, я сейчас, – сказала она и скрылась за дверью.

Немного погодя, бабушка вынесла в бумажном кулёчке горсть конфет из цветного сахара в форме грибочков.

– Где там у тебя карман-то? Подставляй-ка. К бабушке идёшь?

Люба согласно кивнула. Бабушка Федора погладила её по голове и с улыбкой проводила. Получать гостинец из рук ста-

рушки было вдвойне приятно ещё и оттого, что таких сладостей, какие были у неё, в деревенском магазине не продавали. Откуда только бабушка их брала?..

В следующем доме жила семья учительницы. Их собака Жучка не давала девочке прохода. Гавкая, она бросалась под ноги, как будто собиралась укусить, и хватала зубами за одежду, оскаливая пасть. Люба, испугавшись, начинала кричать и с надеждой смотрела на ворота во двор учительницы, но из двери никто ни разу не вышел, чтобы отогнать собаку. Девочка тянула одежду на себя и пятилась в сторону соседей, пока злой сторож не отставал.

Этот раз не был исключением. Жучка выкатилась чёрным клубком из малины прямо под ноги девочки и оглушила звонким лаем. Люба остановилась. Она услышала, как заругалась на собаку бабушка Федора. Жучка вернулась в палисадник и продолжила гавкать уже оттуда. Зубастое препятствие самоустранилось и освободило дорогу.

На порошках третьего дома сидел дядя в майке и курил. Увидев девочку, он стал выкрикивать в её адрес: «Фекул, Фекул, губы надул». Не ожидая от него ничего хорошего, Люба ускорила шаг. Дядя три раза успел прокричать свою дразнилку, прежде чем она скрылась за плотно растущими сливами.

Мимо четвёртого дома покорительница улицы шла крадучись, озираясь по сторонам и, через промежутки в штакетнике, внимательно осматривала пространство в палисадни-

ке. Возле самой калитки их взгляды встретились. Девочка от неожиданности вытянула шею и, одной рукой придерживая карман с конфетами, бросилась бежать, что было сил. Дед Лисун как будто поджидал её, сидя в засаде. Он выбежал из палисадника на улицу и пустился вдогонку. Сильно притопывая ногами по земле, он кричал: «Догоню! Догоню!» Дальше своего дома он никогда не бегал. Остановившись у границы подворья, дед смотрел вслед убегающей девочке, прикрывшись рукой, и улыбался.

Пятый дом не представлял для путешественницы никакой опасности. Его хозяйка, старенькая бабушка Петрачиха, плохо видела и слышала, передвигалась она в пределах своей усадьбы и давно перестала показываться на улице.

Бабушкин дом, после всех испытаний, представлялся девочке островком безопасности, он приветливо смотрел на неё четырьмя окнами. В первом часто можно было увидеть бабушку Мотю. Она стояла, облокотившись на стол, и смотрела на улицу. Когда видела идущую к ней внучку, то выходила встречать.

Бабушки нигде видно не было, замок на двери не висел. Люба поднялась на крыльцо и, через сенцы, увешанные пучками сухих душистых трав, зашла в комнату, которая встретила её привычной обстановкой.

Слева от входной двери, на стене, находилась самодельная деревянная вешалка для верхней одежды. В углу, перед иконами, теплилась лампадка. Широкие крашеные деревянные

лавки, со спинками и подлокотниками, с двух сторон придвинулись к стоящему у окна столу, накрытому белой скатертью в синюю полоску. На нём, по старой русской традиции, — буханка хлеба и соль. Бабушкина кровать с матрасом, набитым свежим сеном, занимала место у стены, рядом со вторым окном. Над ней висел шитый ковёр, который представлял собой картину с повторяющимися элементами цветowych пятен в чёрной рамке. Напротив примостилась большая русская печь с лежанкой и плитой. В углу, прижимаясь друг к другу, как бы не желая больше полезть в огонь, столпились в кучу несколько ухватов разных диаметров с деревянными ручками. Кочерга, веник и совок для мусора составляли им компанию. У окна во двор располагался длинный стол с ящичками. Бабушка называла его посудной лавкой. Над ней, под потолком, протянулись навесные полки. В правом углу разместился настенный шкаф и вешалка с полотенцами. Неширокая ситцевая занавеска через всю комнату, по правой её стороне, отделяла зону кухни и служила ширмой для лежанки на печи. Дверь во вторую комнату была плотно закрыта шторами из трёх полотен. Над лавкой, напротив кровати, покачивали маятником старинные ходики. В простенке между окнами висело небольшое зеркало. Со стены над ковром, из общей застеклённой большой рамы, смотрели с фотографий дети и внуки бабушки.

В печи, на больших металлических листах с загнутыми краями, томились ранние груши и порезанные ломтиками

яблоки. Так они превращались в сухофрукты. На плите стояла кастрюля, накрытая полотенцем. В эмалированном ведре, на посудной лавке, уваривался квас. Из-под крышки торчал пучок мяты.

В избе пахло тестом, печёными фруктами и травами.

Со двора вошла бабушка, повязанная лёгким платком, в длинной чёрной юбке и ситцевой рубашке с рукавами. Ноги её, в коричневых чулках в рубчик, были обуты в тапочки из кожзаменителя. В фартуке она несла собранные в курнике свежие яйца. Увидев внучку, бабушка Мотя улыбнулась. Она переложила содержимое фартука в плетёную корзину, поставила на табурет тазик и, наливая в него из ведра воду, позвала:

– Иди ко мне, комбайнёр.

– Почему я комбайнёр? – прокричала ей на ухо внучка. (Бабушка Мотя была с глушью, ещё в молодости её ударило по голове лопастью мельницы.)

– А ты посмотри в зеркало.

Пыль, размазанная со слезами по лицу, высохла, сохраняя узор. Над подбородком ещё оставался яркий след от помады. В волосах запутался мелкий куриный пух.

– А это что? – спросила бабушка, показывая на красную полосу у губ.

– Помада, – со знанием дела ответила внучка.

Вытерев лицо и руки Любы льняным полотенцем, бабушка принялась расчёсывать внучке волосы и, заплетая их в ко-

сички, приговаривала: «Расти, коса, до пояса, не спутайся ни волоса. Расти, коса, до пят – женихи торопят. Расти, коса, не путайся, дочка, маму слушайся!» Затем велела ей садиться за стол, на который поставила эмалированную чашку с вишнёвым киселём и положила новую деревянную ложку. Взяв с плиты кастрюлю, она откинула полотенце и протянула внучке со словами: «Возьми сколько съешь». В кастрюле румяной горкой лежали ещё тёплые пышки. Люба выбрала себе парочку с поджаристой корочкой.

– Ешь, – сказала бабушка и села напротив. – Завтра утром приходи ко мне. Пойдём с тобой в магазин за керосином. Пока я буду оплачивать, ты посторожишь тележку с флягой.

Подкрепившись, Люба села бабушке под бочок и стала рассматривать её руки, тёплые и нежные, с тонкой прозрачной кожицей и вздувшимися венками. Поводив по венкам пальчиком, она поднесла к бабушкиной руке свою и стала сравнивать. Её кожа не имела признаков старения и внучка решила, что бабушка всегда была бабушкой, а она всегда будет девочкой и старость ей не грозит. Бабушка Мотя с улыбкой смотрела на внучку и легко угадывала её мысли.

– Идём-ка со мной, я тебе что-то покажу, – сказала она, загадочно улыбаясь.

Люба, принимая недосказанность за возможную опасность, на всякий случай, ухватила рукой за бабушкину юбку и старалась не забегать вперёд. Вместе они вышли на заднее крыльцо. На полу, в ветхой плетёной корзине, на под-

стилке из старой бабушкиной кофты, тихонько попискивала кучка шевелящихся слепых комочков. Мама-кошка лежала на боку и заботливо облизывала языком то одного, то другого малыша. Рядом с корзиной стояли две жестяные баночки из-под рыбных консервов. Одна – с молоком, другая – с водой.

– Смотри, но не трогай! Кошке это может не понравиться!
– предупредила бабушка.

Внучка во все глаза смотрела на новорождённых котят.

– Ба, откуда они у тебя?

– Кошка принесла.

– А она где их взяла?

– В магазине купила, – сказала бабушка с улыбкой. – Пойдём в дом, не будем больше их беспокоить.

Не первый раз уже на подобные вопросы Люба получала такой же ответ, в правдивости которого сомневалась.

Однажды она долго стояла в магазине и, когда из покупателей, кроме неё, в зале больше никого не осталась, подошла к продавцу и спросила: «Где тут у вас дети продаются?» Брови тёти Маши поползли вверх, она сняла очки, аккуратно поправила причёску и выровняла косточки на счётах. «А тебе посмотреть или купить хочешь?» – спросила она серьёзно. «Хоть бы посмотреть, я без денег пришла», – ответила Люба. «Ну, знаешь, дети на витрине у меня не стоят. Мне их под заказ привозят. Денег они больших стоят. Как накопишь, так приходи. Да и подрасти ещё надо. А то пришлют тебе бога-

тыря, как ты его понесёшь? Дети очень тяжёлые, лучше за ними приходите вдвоём».

Возвращаясь из магазина, девочка всю дорогу думала над словами тёти Маши. Как, оказывается, всё непросто! Ну, допустим, подрастёт она, допустим, что денег накопит, хотя пока даже не представляла, где их будет брать, но самым сложным ей показалось третье условие. Кого же ей взять с собой в помощники? Среди узкого круга знакомых подходящей кандидатуры она не видела. Да и, раз уж дети такие тяжёлые, то кто станет надрываться? Единственный, кто пошёл бы с ней по первому зову, это был кот Васька, но какой из него помощник?! «Эх! Мне бы только до дома донести!» – уронив голову ниже плеч, строила планы на будущее Люба, загребая сандалиями песок.

И даже после этого разговора сомнения ещё оставались. А откуда у кошки деньги?.. Говорили ещё, что в капусте можно найти малыша. Люба искала в огороде, она обошла каждый куст капусты, заглядывала под листочки, но, кроме букашек, никого не увидела. Может, надо искать ночью или капуста должна подрасти?.. На эту тему она больше не стала задавать вопросов. Благо, хватало и других.

– Баб Моть, а почему меня дядя из жёлтого дома дразнит?

– Как?

– Федул, Федул, губы надул.

– Моё подворье – Федулкина. А ты ему скажи: Исай, Исай, помаленечку кусай.

– А его Исай зовут?

– Нет, он Исайкин.

– А почему бабушка Федора такая добрая?

– У них с дедом Митяем своих внуков нет, вот она тебя и жалеет.

– Ба, а что мне делать, чтобы Жучка на меня не гавкала?

– А ты бери с собой палку. Она выскочит, а ты её палкой.

– А что со мной сделает дед Лисун, если догонит?

Бабушка засмеялась и, пожав плечами, сказала: «Пощеко-чет».

Люба встала и, показав на кастрюлю с пышками, вытянула вверх два пальчика, вопросительно глядя на бабушку.

– Возьми, да не разбрасывай. Грех!

Внучка положила две пышки во второй карманчик платья.

– Ну, куда ж ты теперь пойдёшь?

Девочка вскинула плечи вверх и резко опустила. Она стояла у окна во двор и смотрела в сад.

– Ты крыжовник не рви, он ещё зелёный. Дай ему поспеть, – без зла, по-доброму сказала бабушка.

Она опустила руку над головой внучки ладонью вниз и шёпотом прочитала молитву.

– Ну, иди с Богом! На пруд не ходи!

Напротив своего дома, дальше по улице, гуляла Валька – девочка с короткими рыжими волосами, как будто в них запутались солнечные лучики, и с такого же цвета крупными

веснушками на лице. Увидев Любу, она стала звать её к себе, махая рукой. Люба помахала ей в ответ и побежала навстречу.

Кроме Вальки и её младшей сестры Нины, на поляне играли ребятишки с конца улицы: два брата, Саша и Вова, и девочка Люда с красивыми длинными волосами.

К детям со двора вышел отец Вальки и Нины. Он окинул всех взглядом и сказал: «Заходите в дом, берите стулья, садитесь. Расскажу вам как я в разведку ходил». Дети гурьбой побежали захватывать места. Гремя стульями, они уселись вдоль стены в один ряд.

Дядя Серёжа начал свой рассказ, стоя в центре комнаты.

– Ночь. Лес. Я один пробираюсь между деревьями в сторону противника. Вдруг вижу, прямо передо мной, – немец! Я упал и замер.

Дядя Серёжа, как подкошенный, рухнул на пол и перестал двигаться. Даже голову он прижал к полу одним ухом так, как будто слушал землю. Из такого положения он продолжил свой рассказ.

– Лежу, наблюдаю. А он близко совсем, вот как вы. Немец отвернулся и стал уходить. Я пополз за ним.

И он пополз по полу, изображая, как это было в лесу. Дети смеялись, подобно тому, как смеются в цирке при выступлении клоуна. Маленькие зрители думали, что дядя Серёжа их просто смешит.

– Выбрав удобный момент, я набросился на немца, и за-

вязалась борьба.

Отец девочек стал кувыркаться по полу со спины на живот и обратно, изображая поединок.

– Немец был толстым, сопротивлялся. Я его скрутил, засунул ему в рот кляп и доставил своему командиру. Так я взял языка. За него мне вручили медаль, но её я вам не покажу. Она лежит где-то в шкафу, я не знаю где.

Дядя Серёжа задумался, погрузившись в воспоминания, и вышел из дома. Дети, расставив по местам стулья, выбежали на улицу. Со двора доносился визг точильного камня. Дядя Серёжа, увидев ребятню, крикнул: «Валя, дочь, отведи детей в сад. Пусть возьмут себе яблок, вон их сколько нападало». Дети с удовольствием угостились. Яблоки оказались очень вкусными и ароматными.

В сторону дома, вдоль поляны, в результате бокового размыва оврага, шло ответвление. На холмистых склонах этой ветки, заросших травой, дети любили играть в прятки. На поляне бегали в догонялки, выбивали друг друга мячом и прыгали в резиночки.

Когда пришло время собираться домой, Люба стала искать себе палку, да не нашла, а подняла под кустом сухую хворостину. Приблизившись к жёлтому дому, она снова услышала знакомую дразнилку. В этот раз девочка замедлила шаг и остановилась у палисадника. Глядя в глаза дяде, она собиралась произнести ответную дразнилку, но слова не шли. Она не умела грубить старшим. Пока внутри девоч-

ки шла борьба, она, не отрывая глаз, смотрела на обидчика. Дядя, под её взглядом, почувствовал себя неловко, встал и скрылся за углом дома. Больше он не дразнился.

Чем ближе подходила девочка к дому учительницы, тем ненадёжнее казалась хворостина в её руке. Не желая ещё раз встречаться с Жучкой, пока ещё не стемнело, Люба решила обойти опасность стороной, через овраг. На этом участке его берега сужались, а через самое узкое место бабушкин Мотин младший сын, который один из семерых её детей родился после войны, перекинул металлический мостик с перилами и соединил берега. Через мостик идти до дома, конечно, дальше. Кроме того, предстояло перейти через глубокий овраг в обратную сторону, но выбор между Жучкой и оврагом уже был сделан. Люба отбросила хворостину в сторону и пошла в обход. У пруда она увидела маму с коромыслом на плече. Мария Егоровна несла из колодца воду. Через овраг пошли вместе.

– И где ты ходишь целый день? – спросила мама, вроде бы не настроенная ругаться.

– Я гуляла, – с опаской ответила дочь.

– Зачем же ты коту усы отрезала?

– Папа сбривает себе, вот я и коту отрезала, – не сразу ответила провинившаяся, взвешивая слова и уже осознавая свою ошибку.

– Что ж ты кота с человеком равняешь?

– Мам, а дядя Серёжа правда воевал? – спокойно пере-

хватила инициативу в разговоре дочь, переводя его на другую тему.

– Да.

– А почему он такой молодой? Ведь все ветераны – души.

– Он ушёл на войну рано, в семнадцать лет.

Как только пришли домой, Люба побежала за приготовленным для мамы подарком. Когда она торжественно протянула на ладошке вырезанные из шали цветы, мама как-то обречённо посмотрела на них и не выразила никаких эмоций.

– Что ты наделала? Когда же ты вырастешь? – спокойно сказала Мария Егоровна и занялась своими делами.

Рука с невостребованным подарком повисла в воздухе. Приносить радость не получалось.

Люба решила переключиться на волнующие её темы. Давно уж ей не давала покоя мысль о крае света. Он представлялся ей огромным крутым обрывом, с которого открывался вид в неведомый мир. Ей очень хотелось увидеть, как выглядит этот край, постоять на нём и заглянуть вниз. В доме бабушки Дуни, из окна во двор, виднелся Аношинский лес. Что-то подсказывало начинающему исследователю, что край света находится именно там, за этим лесом. Одной туда отправиться или взять с собой Вальку?..

Люба не помнила, как оказалась в кровати. Сёстры, Валя и Тоня, отдыхали в пионерском лагере «Золотой колос», страшные истории в темноте никто не рассказывал и девоч-

ка спокойно засыпала. Картинки прожитого дня каруселью крутились перед закрытыми глазами. На неё снова размахивалась полотенцем бабушка Дуня, Жучка пыталась ухватить зубами за подол платья, дед Лисун гнался по пятам, дядя в майке дразнился, отец Вальки и Нины полз на задание. За ними промелькнул безусый кот, зияющая дырами шаль, бабушка Федора с конфетами и дети на поляне. Карусель замедлила ход и остановилась. На внучку с улыбкой смотрела бабушка Мотя. В руках она держала корзину, в которой сидела кошка с котятами. Люба погладила маленького серого котёнка и взяла его на руки. Мама-кошка была не против.

3. Сторож

Я не справилась с работой, понесла урон семья.
Потому, что перед сменой мне не выдали ружья.
(Любовь Неупокоева)

– Дочь, вставай, закрой за мной дверь. Я цыплят выпустила во двор. Они с наседкой ходят, но ты за ними присматривай.

Девочка без промедления встала и надела приготовленную для неё чистую одежду. Она вышла на порожки, проводила маму взглядом, дождавшись, пока её фигура полностью скроется в овраге, и, вступив в права хозяйки, зашла в дом, закрыв за собой дверь на заглушку.

Вспомнив про договорённость с бабушкой Мотей, Люба отправилась проверить своих подопечных. Наседка, не переставая квохтать, медленно передвигалась по двору, а цыплята, как приклеенные, следовали за ней. Домоседка взяла пустую миску, открыла дверь амбара и, чтобы распугать мышей, постучала палкой по бочке с зерном. Из-за соседней ёмкости донесся шорох и, со скоростью пули, из-под деревянного поддона в глубину сарая промелькнули сразу три маленькие серые тени. Поднявшись на стульчик, на котором мама доила Зорьку, девочка зачерпнула в миску пшена. «Цыпа-цыпа-цыпа», – позвала маленькая птичница квочку

с выводком, насыпала им корма и с интересом наблюдала за малышами, которые уже копировали поведение курицы и пытались разгребать лапками зерно.

Сторож должен был обеспечить сохранность цыплят от их естественных врагов – кошек и хищных птиц. На время отсутствия, Василия было решено закрыть в доме. Как предотвратить нападение других хищников, Люба не придумала и, полагаясь на сообразительность наседки, выползла со двора привычным для неё путём – через гусиный лаз.

На поляне, недалеко от тропинки, щипали траву гуси деда Митяя. Дорога в эту сторону оказалась отрезана. Оставался второй вариант – через овраг, который представлял для девочки серьёзное препятствие. Он пугал её своей глубиной,двигающимися тенями и шумом в зарослях, в которых, как будто, кто-то прятался и в любой момент мог выскочить на дорогу, чтобы схватить её за голые пятки, когда она, не чувствуя под собой ног от страха, всё же решалась перебежать на другую сторону. Совсем другое дело – спустаться в овраг с кем-нибудь из взрослых, взявшись за руку. Тогда, все живущие в зарослях чудища и волки, прятались.

По правде сказать, лично Люба с ними ни разу не встречалась, но Тоня говорила, что их тут видимо-невидимо.

Теоретически, существовал ещё один вариант – овраг можно было обойти вокруг. До его начала от дома Гавриловых оставалось пройти вправо по улице ещё пять домов. Но, как на грех, именно в пятом доме сторожила имущество хо-

заяв жуткая собака, которую, как и Жучку, никогда не призывали. Всегда одинаково агрессивная, чёрная и лохматая, она казалась воплощением вселенского зла. Только однажды, под давлением обстоятельств, девочка рискнула приблизиться к этому исчадию ада.

В тот весенний вечер стемнело как-то внезапно, быстрее обычного. Люба заигралась с детьми на Морозовой горке и спохватилась, когда на землю спустились густые сумерки, а дети стали разбегаться по домам. Как только солнце село, сразу подул холодный пронизывающий ветер. Девочка, съевшись от холода и стесняясь, подошла к однокласснику Тони с просьбой проводить её через овраг. Она очень волновалась, её голос дрожал. «Э! Нетушки!» – смеясь ей в лицо, ответил мальчик и побежал домой. Испуг волной окатил её с головы до ног и замер внутри. Люба осталась один на один с тьмой, которая каждую минуту росла и крепла, сжимая её в своих холодных объятиях.

Охваченная ужасом, она подошла к оврагу и остановилась. Огромная чёрная дыра, казалось, дышала и шевелилась. Темнота, пробудившись, выходила из берегов, подкрадываясь к ней всё ближе. От страха и от холода, девочка судорожно передёрнула плечами, и направилась через мостик к бабушке Моте, надеясь, что она не откажется проводить внучку домой.

Ещё издалека вид бабушкиного дома показался ей странным: во всех окнах горел свет, из открытой настежь двери

коридора он падал на крыльцо и освещал в палисаднике дорожку до калитки.

Открыв знакомую дверь, внучка растерялась, попав в накуренную комнату, где ходили густые облака табачного дыма и шумно спорили непонятно кому принадлежащие голоса. На столе, среди закусок, стояли начатые бутылки с алко-голем. Сквозь удушливый туман она увидела чужих людей, мужа и жену, которые оказались квартирантами.

При виде появившейся из дыма девочки, громкие голоса стихли. «А где бабушка?» – спросила Люба. «Её нет, и скоро не будет. Она уехала в гости к детям в Сибирь», – ответил ей мужской голос тем же тоном, которым только что отстаивал свою точку зрения.

От этой новости у девочки подкосились ноги, она почувствовала себя безнадежно одинокой, брошенной на произвол судьбы. По её щекам покатались слёзы (от едкого дыма щипало в глазах и першило в горле).

Супруги больше не обращали на девочку внимания и продолжили громко дискутировать на тему бухгалтерского учёта, нервно жестикулируя. Не смея больше задерживаться среди незнакомых взрослых, горемыка покинула комнату, с сожалением посмотрев на так необходимую ей бабушкину кофту. Ещё раз перебивать возобновившийся разговор, ей казалось, не совсем прилично, а взять вещь без разрешения она не посмела.

Чтобы снова выйти из освящённого светом дома в холод-

ную, сгустившуюся тьму, девочка наскребла по сусекам жалкие крохи смелости и собрала в кулак всю силу воли. Чёрный вечер с коварно-добродушной улыбкой поджидал её у калитки.

Люба решила обойти овраг и дошла уже до поворота на свою улицу, как тьма ожила и, сотрясаясь от громкого лая, обрушилась на неё со всех сторон. Два зла, оба чёрные, слились в одно и наступали на девочку. Ей показалось, что она дошла до границ ада и снова отступила, вернувшись к спуску в овраг.

На пруду, на разные лады, сладострастно надрывались лягушки. Их пение то разделялось на тихое и отрывистое, то сливалось в громкий оглушительный хор. Люба позавидовала весело распеваящим жителям водоёма, которые, в отличие от неё, находились дома.

Овраг в темноте казался открытой пастью огромного голодного зверя, готового проглотить любое живое существо. Выбора не оставалось, да и холод торопил принимать решение. Освящённые изнутри окна её родного дома, на другом берегу оврага, так похожие на мамины глаза, светились как ориентиры.

Чтобы в полной темноте ногами чувствовать дорогу и не сбиться с пути, Люба разулась. Разбежавшись, она бросилась в глубокую яму, полную неизвестности. Первое время она ещё могла видеть светящиеся окна и бежала, глядя на них, но скоро густая тьма накрыла её с головой. Девочка продол-

жала бежать. Несколько раз она с разбега влетала в заросли оврага, наступая босыми ногами на колючую траву, но сразу выравнивалась, возвращаясь на твёрдо укатанную машинами дорогу, покрытую мелкой пылью, как мукой. В её открытых глазах было черным-черно. Единственный звук, который она слышала – был стук её сердца. Оно стучало в голове, в ушах, под языком.

Вынырнув из преисподней, девочка снова увидела окна своего дома и поняла, что опасность осталась позади. Она оглянулась посмотреть на чёрную бездну, из которой только что её вынесли ноги. Тьма на прощание погладила Любу прохладной бархатной рукой и отползла в глубину.

С пруда по-прежнему доносилось несмолкаемое пение лягушек, но, победив тьму, девочка им больше не завидовала. Не успев ещё отдышаться, с туфлями в руках, она пробежала вверх по порожкам и вынырнула из темноты на освещённую светом веранду. Вернувшись после продолжительной схватки с сильным соперником, измученная и морально, и физически, Люба хлопнула дверь, оставив позади ещё желавшего помериться силами противника. Темнота прислонилась снаружи к стёклам веранды и остановилась. Испуг отхлынул и, скатившись, как с гуся вода, покрыл напоследок всё тело мурашками.

– Что же ты всю пыль за один раз собрала? Лето ещё не начиналось, надо бы и на лето оставить, – сделала замечание дочери мама.

– Какая пыль?! – удивилась всем телом девочка. – Я там чуть с жизнью не рассталась! – пожаловались её широко открытые глаза, так долго смотревшие страху в лицо. Сильное биение сердца ещё мешало ей говорить.

Один из самых неудачных дней подошёл к концу. Лёжа в постели, младшая из сестёр снова и снова прокручивала в голове опасные моменты, которые ей пришлось пережить, и всё никак не могла оценить своё поведение. Как она себя повела? Как трусиха, гонимая страхом, или как смелая девочка? Образ Тониного одноклассника без конца всплывал перед глазами и мешал думать. «Э! Нетушки!» – каждый раз повторял мальчик с неприятной улыбкой, заглядывая прямо в лицо.

В результате размышлений, все неприятности дня закружились над головой девочки и, собравшись в одно тёмное облако, нырнули в омут оврага. Ночь превратилась в день, и Люба оказалась на цветущей поляне среди красивых бабочек и стрекоз. Трудолюбивые пчёлы там пели свои жужжащие песни и собирали золотистую пыльцу в блестящие на солнышке маленькие серебряные ведёрочки. Телёнок и жеребёнок играли в догонялки. Тройка белых гусей, запряжённых в лёгкую летнюю коляску, носила по небу, над поляной, дедушку Митяя. Своей палкой, с которой он никогда не расставался, наездник сбивал полюбившиеся ему звёзды. Бабушка Федора собирала их, как созревшие плоды, и укладывала в корзину, где они сразу превращались в конфеты. «Так вот

где она берёт сладости!» – удивилась Люба. Добрая старушка улыбнулась девочке и, поднявшись в воздух, также просто, как люди ходят по земле, осыпала её волшебными небесными леденцами.

Утро началось с удачи – к спуску в овраг направлялся Егор Иванович, сосед Гавриловых справа. Пропустив его вперёд, девочка пошла за ним вслед, всё же чувствуя себя сиротой, брошенной на съедение волкам.

Бабушка уже ждала внучку. Она повезла тележку, а Люба шла сбоку и придерживала пустую флягу, чтобы та меньше гремела.

Керосин находился в подземном хранилище, рядом с магазином. Его продавали только раз в неделю в определённые часы. У закрытой двери склада уже толпились люди. Бабушка поставила внучку в очередь и ушла в магазин оплачивать покупку.

Оставшись за сторожа, Люба осознала меру своей ответственности и испугалась. Народ всё прибывал, но это были обычные люди. А что же ей делать, если появится вор? Почему бабушка не проинструктировала её? Сторож обеими руками держался за ручку тележки и, осматривая пространство вокруг охраняемого объекта, волновался всё больше. Люба пожалела, что не взяла с собой из дома красивую жестяную баночку из-под леденцов. Она могла бы предложить её вору в обмен на то, чтобы он не забирал тележку с флягой, хотя расставаться с баночкой ей совсем не хотелось. Груз ответ-

ственности с каждой минутой давил всё сильнее.

Из магазина вышла бабушка Мотя, и внучка с облегчением вздохнула, передав сохранённое ею имущество с рук на руки.

На обратном пути бабушка отпустила сторожа, поблагодарив за помощь, и вручила, в качестве премии, петушка на палочке. Все мучительные страдания, только что пережитые, мгновенно забылись. Петушок отправился за щёку, а девочка, прыгая то на одной, то на другой ноге – домой.

День обещал быть жарким. На пруд уже съезжались на велосипедах мальчишки из соседней деревни. (Михайловские дети ходили в Круглое в школу и на электричку, а Круглянские в Михайловку – на пруд и в клуб.) Разбежавшись по длинной металлической трубе, вкопанной в берег, они прыгали в воду, поднимая столбы брызг. (Для полно налитой чаши пруда труба служила переливом.)

Мама строго-настрого запрещала девочкам подходить близко к воде. Прошлым летом Люба шла от бабушки Дуни домой одна. Она слышала весёлые детские крики на пруду и поднялась на берег. Увидев, какое удовольствие получают дети от купания, девочка подумала, что её лишают радости несправедливо. Кроме того, мамы рядом не было. Такой шанс упускать было нельзя. Люба вдруг отчётливо поняла, что у неё есть только эта минута, чтобы испытать ту радость, которая без ограничений была доступна другим детям. А в следующий момент обязательно появится кто-нибудь из чле-

нов семьи, и возможность навсегда будет упущена. Сейчас или никогда!

Основная часть отдыхающих детей находилась на другой стороне пруда, а в месте, где остановилась Люба, она увидела только одного мальчика. В одежде и в обуви, он сидел под ивой и не обращал на неё никакого внимания. У отдыхающего было настолько отрешённое лицо, словно бы ни одно событие не могло иметь для него никакого значения. Купаться, по всей видимости, он не собирался.

Недолго думая, девочка пошла в воду как была, в платье и в сандалиях. Сделав несколько шагов, она провалилась в бездонное водное пространство. Пытаясь нащупать землю, с которой сделала последний шаг, она делала ногами движения назад, но земли не нашла. В момент, когда Люба осознала весь ужас своего положения и уже начала глотать воду, чьи-то руки вытащили её на берег. Спасителем оказался тот самый мальчик, который сидел на берегу. Он не сказал ей ни слова и снова сел на прежнее место, критически осматривая свои мокрые брюки. Предусмотрительно снятая им обувь, сухой лежала на песке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.